

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ЧЕРЕШКОВЫХ ПЛАСТИНЧАТЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ

© 2018 г. С.Б. Слободин

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт РАН, Магадан, Россия

E-mail: archaeol@neisri.ru

Поступила в редакцию 09.03.2017 г.

В статье представлен анализ и обобщающая характеристика раннеголоценовой традиции пластинчатых черешковых наконечников Северо-Востока России, выделенная автором на основе открытых и исследованных им материалов с Верхней Колымы, а также изучения коллекций других раннеголоценовых стоянок Северо-Востока Азии. Рассмотрена история изучения комплексов с пластинчатыми наконечниками в Восточной Сибири, проанализированы проблемы, связанные с их выделением, идентификацией и датированием с учетом имеющихся материалов по археологии Якутии, Колымы, Чукотки и Камчатки. Дается описание наиболее выразительных памятников этой традиции с технико-типологическим анализом их орудийных комплексов. В статье определены территория распространения традиции пластинчатых наконечников, ее возраст на основе полученных ^{14}C -датировок, орудийный набор и наиболее характерные изделия. Проведена корреляция материалов традиции пластинчатых черешковых наконечников с другими культурами раннего голоцена Северо-Востока Азии и Евразии, обозначены проблемы генезиса этой мезолитической традиции и отмечено ее влияние на облик неолитических культур Колымы.

Ключевые слова: археология Колымы, Якутии, Камчатки и Чукотки, ранний голоцен, мезолит Северо-Востока Азии, Берингия, пластинчатые черешковые наконечники.

DOI: 10.31857/S086960630001641-4

Археологические исследования на Северо-Востоке Азии в 1960–1970-е годы установили существование здесь в раннем голоцене нескольких культурных традиций: сумнагинской (Мочанов, 1977), сибердииковской и ушковской мезолитической (Диков, 1979). Исследования ряда новых археологических памятников, выявленных на Верхней Колыме (Уи, Придорожная, Агробаза II, Конго-78, Инг-78), и анализ других опубликованных материалов (Окладников, 1946; Кашин, 1983; Диков, 1979; Кирьяк, 1993), привели к выделению в этом районе нового, ранее не известного на Колыме и на всем Северо-Востоке Азии, раннеголоценового культурного комплекса с черешковыми пластинчатыми наконечниками (Слободин, 1996б) (рис. 1).

Вопрос о времени появления пластинчатых наконечников на Северо-Востоке Азии, территории их распространения и культурной принадлежности является предметом многолетних дискуссий в археологической литературе с момента обнаружения их на стоянке Уолба, и они всегда

рассматривались как наиболее ранние типы наконечников в голоцене Северо-Востока Азии (Окладников, 1946, 1955; Мочанов, 1969, 1977; Диков, 1971, 1979; Федосеева, 1968, 1980; Кашин, 1983; Алексеев и др., 1988; Аргунов, 1990; Хлобыстин, 1998). Исследования раннеголоценовых стоянок с пластинчатыми черешковыми наконечниками на Верхней Колыме позволили конкретизировать облик и хронологию и других комплексов на Северо-Востоке Азии с этими наконечниками (Слободин, 1999).

В начале голоцена 11–10.5 тыс. л.н. на Северо-Востоке Азии произошли существенные изменения климата, животного и растительного мира. Начавшееся потепление привело к таянию ледников, увеличению влажности и превращению плейстоценовой тундростепи в кочкарные тундры и болота, непреодолимые для большинства животных мамонтового комплекса; древесная растительность в раннем голоцене продвинулась на север вплоть до современного побережья Восточно-Сибирского моря. Зимой стал фор-

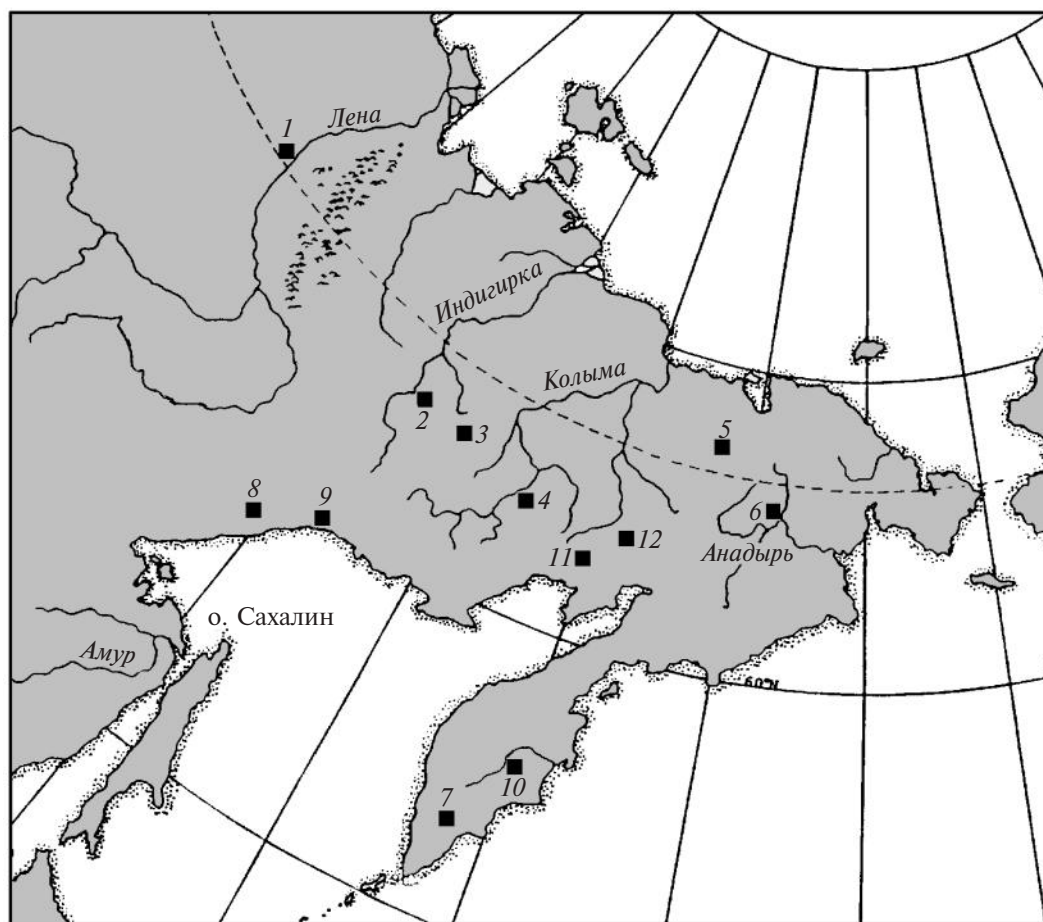

Рис. 1. Карта расположения стоянок традиции пластинчатых черешковых наконечников Северо-Востока России: 1 – Уолба; 2 – Юбилейный; 3 – Уи, Придорожная; 4 – Инг-78, Конго-78; 5 – Верхнетытыльская VI, Тытыль IV п. 2, Нижнетытыльская IV п. 3 на оз. Тытыль; 6 – Усть-Белая; 7 – Авача 1, 9; 8 – Амка; 9 – Кухтуй II; 10 – Ушки I–V; 11 – Аура-нп; 12 – оз. Пареньское I.

Fig. 1. The map of blade stemmed points tradition sites in the North-East of Russia

мироваться глубокий снежный покров, препятствующий доступу животных к корму. Мамонтовая фауна, частью вымерла, частью мигрировала в более благоприятные районы, основными видами травоядных животных, адаптировавшихся к новым условиям, стали олень в тундре и лось в тайге (Томирдиаро, 1980; Шер, 1997).

Перемены в природе рубежа плейстоцена-голоцена привели и к кризису позднеплейстоценовые палеолитические культуры Северо-Востока Азии с клиновидными нуклеусами и бифасами, которых сменили мезолитические раннеголоценовые культуры с ярко выраженной микролитизацией инвентаря и преимущественным использованием сколотых с конических и призматических нуклеусов мезо- и микропластинок, служивших для изготовления вкладышевых орудий, в том числе и пластинчатых наконеч-

ников (Мочанов, 1977; Диков, 1979; Слободин, 1996а, 1999).

История изучения черешковых пластинчатых наконечников Северо-Востока Азии. Впервые черешковые пластинчатые наконечники были найдены А.П. Окладниковым (1946) в погребении у оз. Уолба на Нижней Лене в Якутии (рис. 2, 1, 2; 6, 26–28). Они были изготовлены на крупных (длиной 12–16 см, шириной 1.5–1.6 см) ножевидных пластинах подпризматического и подтреугольного сечения из черного кремнистого сланца. Наконечники имеют удлиненно-треугольную форму и небольшой, двусторонне обработанный краевой ретушью черешок треугольной формы, четко выделенный плечиками. Степень обработки наконечников различна (рис. 2, 1, 2; 6, 26, 27): у одного почти полностью обработана спинка, а со стороны брюшка ретушь

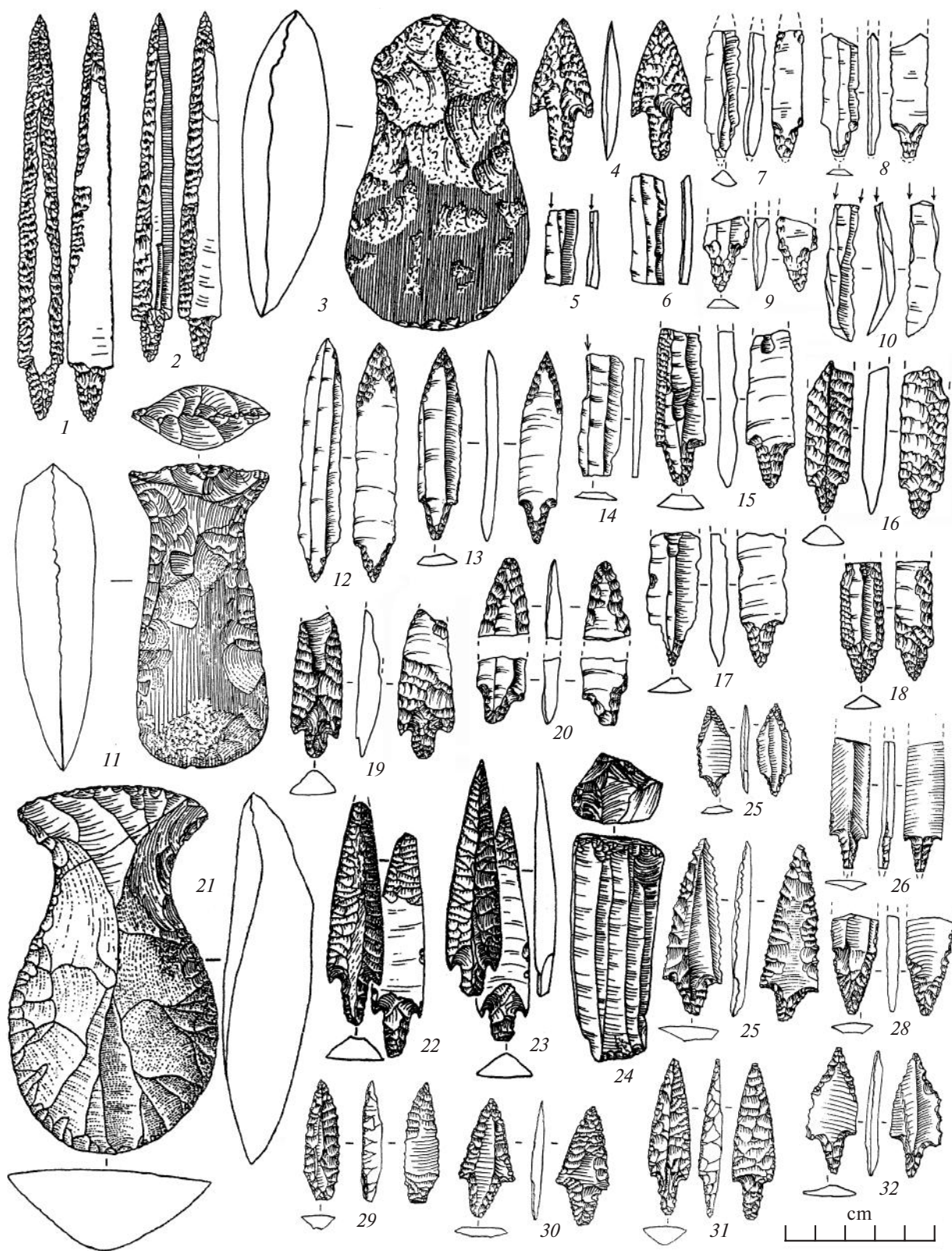

Рис. 2. Сводная таблица каменных орудий традиции пластинчатых черешковых наконечников: 1, 2 – Уолба; 3–6 – Амка; 7–10 – Юбилейный; 11, 13 – Инг-78; 12, 14 – Конго-78; 15–18 – Уи; 19, 20 – Придорожная; 21–24 – Авача 1, 9; 25–32 – Верхнетытыльская VI (по: 1, 2 – Окладников, 1946; 3–10 – Кашин, 1983, 2003; 21–24 – Пономаренко, 2000; 25–32 – Кирьяк, 2005).

Fig. 2. Stone tools of blade stemmed points tradition

нанесена частично по краю и у острия; у другого, наоборот, полностью обработано брюшко, а со стороны спинки — только острие; у третьего спинка также практически не обработана, а со стороны брюшка отретушированы острие и края боковых граней. Последний наконечник обработан краевой ретушью со спинки по одному краю и со стороны брюшка по противоположному краю. Наконечники обработаны регулярной параллельной ретушью, на спинках видны грани исходных пластин. С ними был найден и концевой скребок на пластине.

Возраст находок А.П. Окладников определил III тыс. до н.э., отметив, что они документируют “если не самый ранний, то ...один из древнейших, этапов заселения самых северных районов Восточной Сибири человеком” (1955. С. 114), и что в Якутии ранненеолитическим материалам “предшествуют более архаичные пластинчатые наконечники мезолитической техники”, такие, например, как происходящие из мезолитических слоев стоянки Усть-Белая на Ангаре (История Сибири, 1968. С. 120). “Техника изготовления этих наконечников такая же в принципе, как и техника изготовления мезолитических наконечников Европы... это были пластины правильной формы, у которых лишь слегка обрабатывались ретушью лезвия, а то и всего-навсего один кончик или насад. Та же черта характеризует и некоторые древнейшие, по-видимому, кремневые наконечники даурских типов из Забайкалья” (История Сибири, 1968. С. 82).

С.А. Федосеева, характеризуя древние культуры бассейна р. Лена, отмечает, что «к древнейшему пласту принадлежат и своеобразные изделия “мезолитического” облика — наконечники стрел на ножевидных пластинах... обычно встречающиеся на самых ранних неолитических памятниках Сибири и Японии” (Федосеева, 1968). Ранний неолит в Прибайкалье охватывает VI—V тыс. до н.э. (Мамонова, Сулержицкий, 1989).

А.П. Окладников (1950. С. 162) считал, что “архаические по типу наконечники из частично отделанных ретушью кремневых пластин в субарктической зоне Якутии ... несомненно восходят к очень древним прототипам. Известные в разных вариантах все эти наконечники являются, следовательно, представителями древнейшего, исходного типа наконечника стрелы... Такие наконечники, найденные в погребениях **хиньского типа**, представляют собой, очевидно,

древнейшие формы наконечников стрел и для Прибайкалья”. Хиньский этап мезолита Прибайкалья (Байкальской Сибири) датируется периодом 8—7 тыс. л.н., в материалах исаковского этапа раннего неолита они отсутствуют (Базалийский, 2005). В лесную зону Восточной Сибири, в Прибайкалье и Якутию эти наконечники, по мнению А.П. Окладникова (1950. С. 162—164) проникают из “степных районов Забайкалья и верховьев Амура, где [они] столь широко распространены”, “широкое распространение близких к хиньским наконечников в степях Забайкалья, Монголии, Манчжурии с одной стороны... [и] в восточной Европе, — с другой, дает право предполагать, что появление таких изделий, а вместе с ними лука, объясняется ранними связями лесных племен со степными”. “Еще одним районом распространения пластинчатых изделий является Средний Амур. Особенно широко и полно пластинчатая техника представлена в ранненеолитических памятниках новопетровской культуры” (Окладников, Кириллов, 1980. С. 107, 108).

Следы традиции пластинчатых наконечников прослеживаются и дальше — на западе Западной Сибири, где имеются наконечники из “широких пластин, только отчасти обработанных ретушью... вдоль краев и на кончиках. Такие же наконечники известны и из самых ранних... погребений Прибайкалья хиньской стадии. В целом весь этот наиболее ранний здесь комплекс находок свидетельствует о наличии у древнего населения Восточного Приуралья весьма древних традиций, уходящих в микролитическую культуру степного мезолита Средней Азии и Восточной Европы” (История Сибири, 1968. С. 96). Сейчас имеются достоверные свидетельства распространения “мезолитического населения с западного склона Среднего Урала на восточный”, в Среднее Зауралье, где уже известно более 100 пластинчатых наконечников (Сериков, 2000. С. 105—108; 216).

Первоначально Ю.А. Мочанов считал, что “основанием для отнесения [Уолбинского] могильника к раннему неолиту служат пластинчатые наконечники” (1969. С. 148). Затем они были отнесены к Белькачинской культуре среднего неолита (Мочанов, Федосеева, 1982, 2013), но справедливо считается, и это “предположение нуждается в дальнейшем уточнении” (Аргунов, 1991. С. 67). В целом, датировка уолбинских наконечников неолитом недостаточно обоснована, анализ материалов опорного памятника периодизации каменного века Якутии Белькачи I

(Мочанов, 1969) показывает, что в слоях неолита пластинчатых черешковых наконечников нет (Слободин, 1999).

Явное несоответствие уолбинских наконечников материалам неолита Якутии заставило Ю.А. Мочанова отнести их к раннему голоцену: «Наиболее древним наконечником из обнаруженных А.П. Окладниковым, — писал Ю.А. Мочанов (1977. С. 248), — кажется экземпляр из нижнего слоя стоянки Уолба (Окладников, 1946, табл. V, 1). Он действительно очень похож на “свидероидные” черешковые наконечники Европы».

Подтвердив, что “до сих пор даже при самых обширных раскопках наконечники стрел на сумнагинских стоянках в четких стратиграфических условиях не встречаются”, Ю.А. Мочанов (1977. С. 246–248) заключает, что “к сумнагинской культуре со временем можно будет отнести, по крайней мере, часть пластинчатых наконечников, обнаруженных на различных стоянках Северо-Восточной Азии, но четко пока не датированных (табл. 86) ... Вполне возможно, что пластинчатые наконечники стрел, обнаруженные на Лене, Индигирке, Колыме, Чукотке, Кухтуе, могут быть свидетельством каких-то древних связей, существовавших между населением Северо-Восточной Европы и Северной Сибири задолго до III тыс. до н.э. Наиболее активно эти связи могли осуществляться именно в эпоху распространения сумнагинской культуры”. На указанной Ю.А. Мочановым таблице в качестве иллюстрации этого тезиса представлены пластинчатые наконечники со стоянок Усть-Белая с Чукотки, Юбилейный с р. Индигирка, Кухтуй II с Охотского побережья, Туой-Хая и Усть-Чиркуо с Вилюя.

Однако анализ материалов сумнагинской культуры археологами Якутского университета привел к заключению, что «предположение Ю.А. Мочанова (1977) о возможном употреблении наконечников стрел “сумнагинцами” в X–IX тыс. до н.э. до сих пор остается только предположением» (Алексеев и др., 1988).

Предполагается, что на северо-западе Якутии, “на заключительной стадии сумнагинской культуры появляются, очевидно, простейшие пластинчатые наконечники” (Аргунов, 1990. С. 191). На Таймыре пластинчатые наконечники (в том числе и черешковые формы) являются одним из показателей мезолитического возраста стоянок (Хлобыстин, 1998).

Исследования на Камчатке в IV слое стоянки Ушки I, отнесенном Н.Н. Диковым к первой

ушковской “мезолитической” или раннеолитической культуре, позволили определить, что здесь использовались “метательные наконечники с черешком, сделанные из больших пластин, лишь частично ретушированных по краям”, и что “в ближайшем окружении аналогии этому типу нет” (Диков, 1979. С. 107, 115). Позже пластинчатые черешковые наконечники были найдены и на Чукотке (Кирияк, 1993. С. 37; 2005). Сейчас ясно, что район их распространения включает и Верхнее Приколымье (Слободин, 1999) и Индигирку (Кашин, 1983), откуда они, судя по датировкам и типологии, с раннего голоцена распространились на Чукотку и Камчатку.

Выделенный на стоянках Верхней Колымы комплекс с пластинчатыми черешковыми наконечниками уолбинского типа (Слободин, 1996а; б; 1999) позволяет определить культурную принадлежность и возраст как ранее открытых стоянок с пластинчатыми черешковыми наконечниками на Северо-Востоке Азии, так и новых комплексов с близкими характеристиками.

Материалы с пластинчатыми наконечниками на Верхней Колыме. На Верхней Колыме материалы с пластинчатыми черешковыми наконечниками исследованы на стоянках Уи, Придорожная, Агробаза II, Конго-78, Инг-78 (рис. 3–6). Стоянки Уи и Придорожная расположены на озерах Уи и Момонтай в южной части горной цепи Черского на высоте 1000–1100 м над уровнем моря в зоне лиственничного редколесья, имеют подпрудно-ледниковое происхождение, образованы за счет вытаивания ледника (Слободин, 1996б).

Стоянка Уи находится на пологой 3–4-метровой террасе северного берега оз. Уи и занимает площадь несколько сотен квадратных метров (Слободин, Отчет..., 1990). На раскопанной площади (около 100 м²) найдено более 5 тыс. находок (каменные орудия и отходы их производства), залежавших в бурой супеси до глубины 20 см. По углям, собранным в скоплении находок получены ¹⁴C-даты: 8695±100; 8810±235 (GX-17066, 17067); 8370±190; 8310±240 (LE-3990, 4652).

Первичное расщепление представлено коническими и призматическими нуклеусами (рис. 4, 1–3) для получения с них макро-, мезо-пластин (рис. 4, 5, 8, 9, 20, 23, 29) и микропластинок (рис. 4, 6, 7, 12–16, 32), из которых делали наконечники (рис. 2, 15–18; 3, 1, 2; 4, 22, 23, 25, 27), угловые резцы (рис. 4, 8, 9, 19), ножи на пластинах (рис. 4, 24, 26, 29, 31, 33, 37), ретушированные вкладыши пазовых орудий (рис. 4, 6, 7,

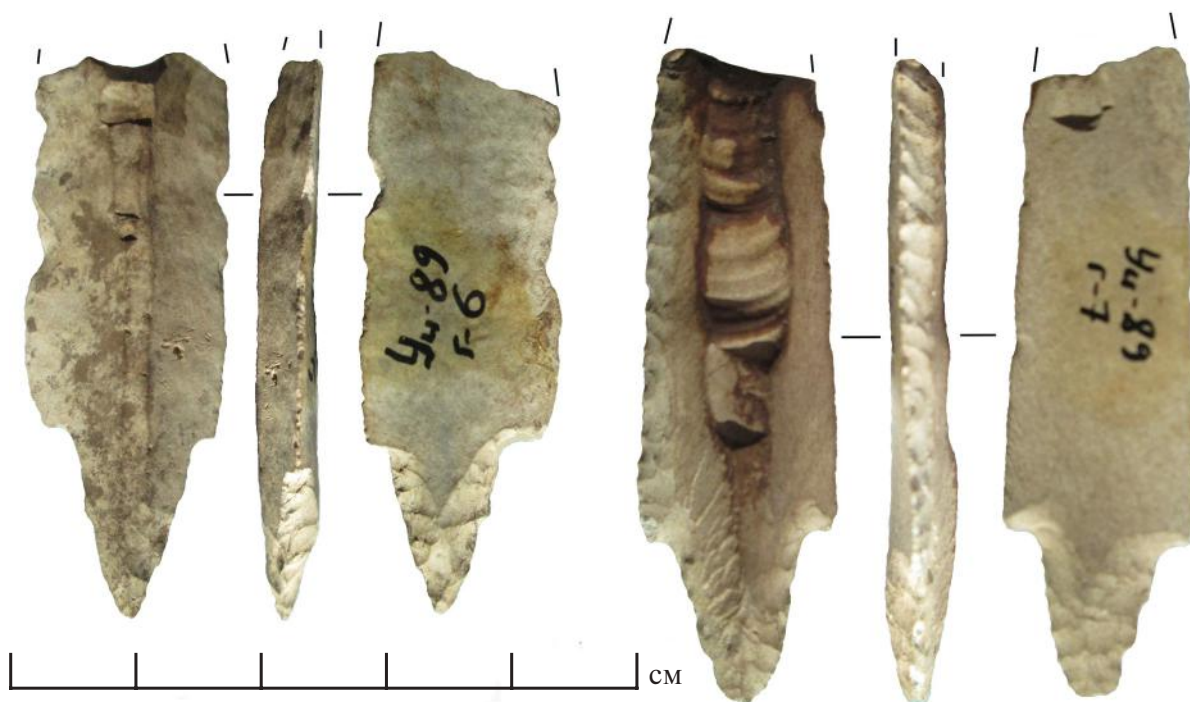

Рис. 3. Пластинчатые черешковые наконечники стоянки Уи (1, 2).

Fig. 3. Blade stemmed points from site Ui

12–16, 34, 36), проколки (рис. 4, 11, 32). Нуклеусы представлены сработанными экземплярами, сколами подправки отжимных площадок (*core tablet*) (рис. 4, 10) и ребристыми сколами. Сколотые с них крупные пластины указывают, что они достигали высоты 10–15 см.

Концевые скребки — на пластинчатых отщепках и крупных пластинах (рис. 4, 4, 18, 28). Топор представлен оббитым изделием овальной формы с односторонне-выпуклым сечением (рис. 4, 30). Наконечники двух типов: черешковые на пластинах (рис. 4, 22, 23, 25, 27) и бифасиально обработанные, треугольной (рис. 4, 21) и листовидной (рис. 4, 35) формы.

Кремневые микропластинки указывают на широкое использование пазовых орудий (наконечников и ножей) из кости и рога с лезвием из вставленных в пазы ретушированных по краю вкладышей. Специфической особенностью микровкладышей является наличие на них скошенного ретушью края, создающего плавный переход между поверхностью костяного наконечника и лезвия из микропластинок.

Из пластин делали и характерные черешковые наконечники стрел или дротиков уолбинского типа с различной степенью обработки.

У одних отжимной ретушью оформлены только острие и черешок, другие дополнительно ретушированы по одному или обоим краям, имеются и полностью ретушированные. Они вместе с другими орудиями являются определяющими при выделении традиции пластинчатых наконечников уолбинского типа, распространившейся в раннем голоцене в Якутии, на Колыме, Чукотке и Камчатке.

Остатков фауны на стоянке не найдено. Планиграфия и многочисленность готовых и утилизированных орудий указывает, что это был долговременный жилой и хозяйственный комплекс. Заготовок орудий и первичных отходов их обработки на стоянке почти нет, преобладают готовые орудия и мелкие отщепы — результат вторичной обработки и доработки орудий. Сырье для производства каменных орудий было, в основном, местным, за исключением обсидиана, химический анализ которого показал, что он происходит из источника на севере Камчатки (Слободин, 2007). Обитатели стоянки занимались охотой на оленей, лосей, и, судя по расположению стоянки на богатом рыбой озере, рыболовством.

На стоянке Придорожная черешковые пластинчатые наконечники найдены в составе разнотипных материалов. Они представлены

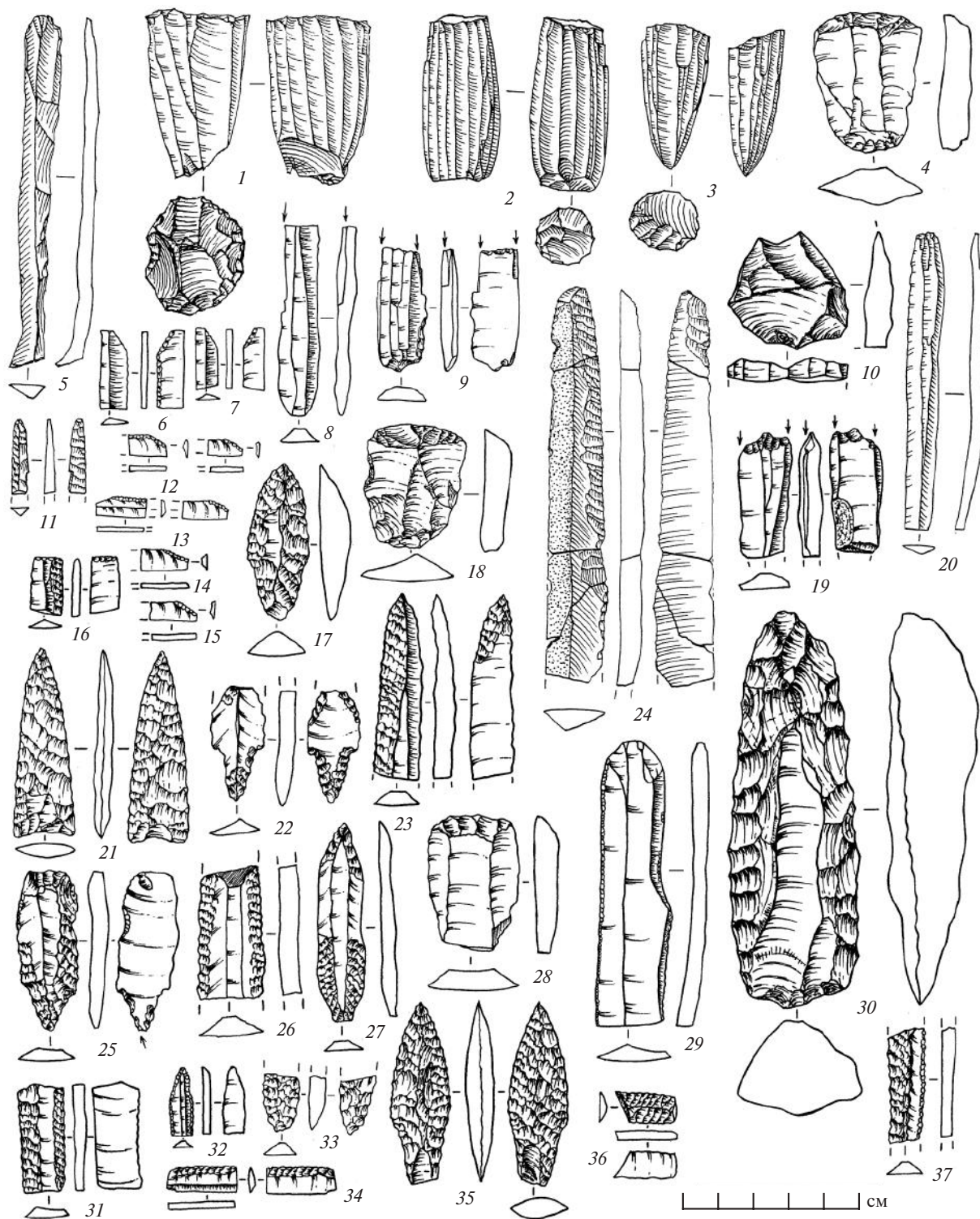

Рис. 4. Каменные орудия стоянки Уи (1–37).

Fig. 4. Stone tools from site Ui

двумя типами: один сделан на четырехгранной ножевидной пластине с выделенными ретушью черешком и острием и частично ретушированными краями, другой — почти полностью ретуши-

рованный, с “висящими” плечиками, сделан на трехгранной пластине (рис. 2, 19, 20). К раннему голоцену из этого комплекса относятся, очевидно, крупные ретушированные по краю пластины,

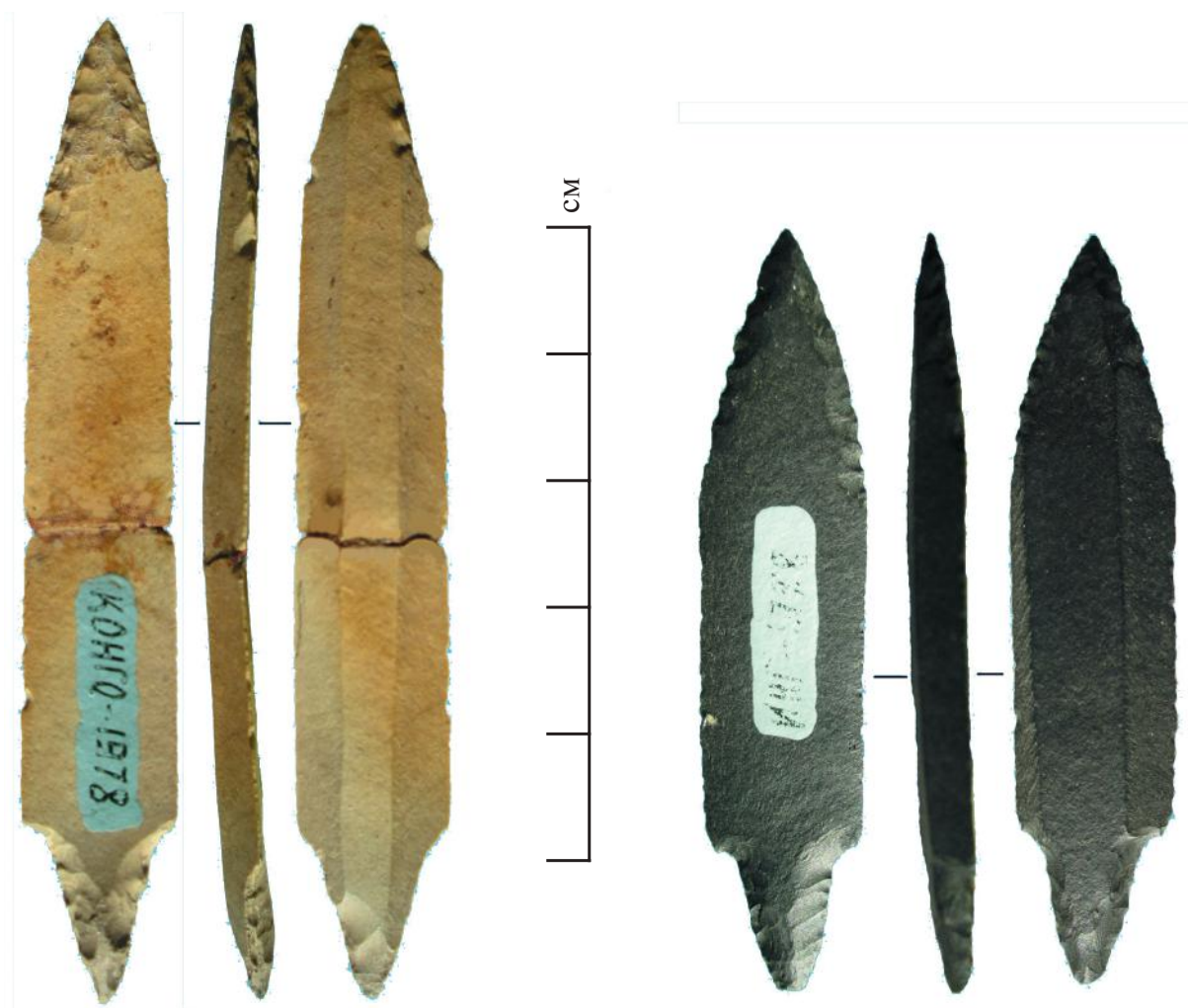

Рис. 5. Пластинчатые черешковые наконечники стоянок Конго-78 (1) и Инг-78 (2).

Fig. 5. Blade stemmed points from site Kongo-78 (1) and Ing-78 (2)

пластинки со скошенным краем, концевой скребок и скол отжимной площадки нуклеуса. Одна из дат со стоянки дала возраст 6805 ± 190 (GX-17062).

На стоянке Агробаза II, расположенной на высоком берегу р. Колымы фрагменты черешковых пластинчатых наконечников были обнаружены в составе подъемного материала, включавшего ножевидные пластинки, конический нуклеус и резец на массивной пластине (Слободин, 1999). На рядом расположенной стоянке Агробаза III из нижнего культурного слоя (возможно общего для обеих стоянок) с микропластинками, получена дата 8220 ± 95 (GX-17060) (Слободин, 2001).

Выразительные находки с Колымы получены со стоянок Конго-78 и Инг-78¹, расположенных

в зоне водохранилища Колымской ГЭС (в настоящее время затоплены). Они представлены призматическим, коническим, уплощенными коническими нуклеусами (рис. 6, 1, 2, 7, 8), сколами подправки отжимных площадок (core tablet) (рис. 6, 16), ножевидными пластинками с ретушированными торцами (рис. 6, 5, 6, 10), крупными пластинами, концевым скребком на отщепе, двойным концевым скребком на пластинчатом отщепе (рис. 6, 11), скребками с приостренным рабочим лезвием (рис. 6, 3), двусторонне обработанными орудиями листовидной и овальной формы (рис. 6, 13), угловыми резцами на ножевидных пластинах (рис. 2, 14; 6, 4, 12), подвеской из просверленной плоской гальки, пластинчатыми черешковыми наконечниками. Наконечники уолбинского типа сделаны на крупных ножевидных пластинах, имеющих подтрапецевидное поперечное сечение

¹ Коллекции получены Н.Н. Диковым в ходе обследования водохранилища Колымской ГЭС, хранятся в фондах СВКНИИ ДВО РАН.

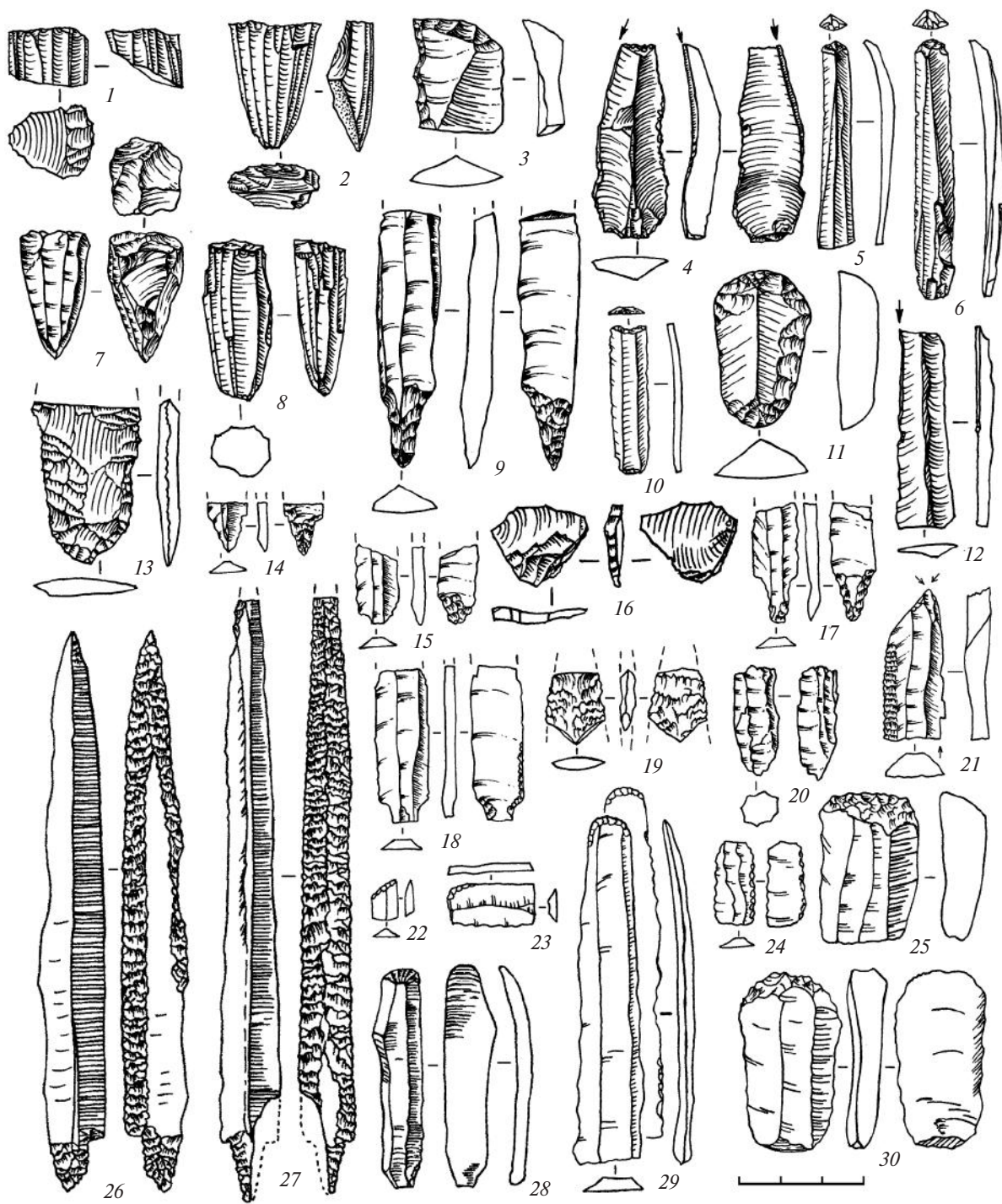

Рис. 6. Каменные орудия стоянок Конго-78 (1, 2, 4, 12, 13, 16), Инг-78 (3, 5–11), Юбилейный (19, 22–25, 29, 30) (Кашин, 1983), Агробаза II (14, 15, 17, 20, 21), Уолба (26–28) (Окладников, 1946).

Fig. 6. Stone tools from site Kongo-78 (1, 2, 4, 12, 13, 16), Ing-78 (3, 5–11), Yubileinyi (19, 22–25, 29, 30), Agrobasa II (14, 15, 17, 20, 21), Uolba (26–28)

(рис. 2, 12, 13; 5, 1, 2; 6, 9). Краевой ретушью обработаны только острия наконечников и черешки подтреугольной формы, отделенные от пера небольшими “плечиками”. На стоянке Конго-78 найдено также линзовидное в поперечном сече-

нии тесло с шейкой (перехватом) и частично пришлифованным лезвием (рис. 2, 11). Подобные тесла со сходным набором орудий ^{14}C -возрастом 6200 л.н. имеются на стоянках Авача 1 и 9 на Камчатке (Пономаренко, 2000).

Яркой особенностью всех этих стоянок и самым диагностичным элементом, объединяющим их, являются черешковые пластинчатые наконечники. На основе технико-типологического единства материалов и имеющихся датировок этих стоянок был выделен верхнеколымский раннеголоценовый комплекс пластинчатых наконечников (Слободин, 1999). Анализ материалов других ранее известных и вновь открытых стоянок с пластинчатыми черешковыми наконечниками уолбинского типа в Якутии (Кашин, 1983), на Чукотке (Кирияк, 2005) и Камчатке (Пономаренко, 2000; Пташинский, 2006) позволяют, объединив их на основе технико-типологического и хронологического единства, выделить на Северо-Востоке России новую раннеголоценовую уолбинскую мезолитическую традицию пластинчатых наконечников, наряду с существовавшей здесь сумнагинской культурой (Мочанов, 1977; Слободин 1999), представляющей более ранний этап развития мезолита этого региона.

Материалы Уолбинской традиции на Верхней Индигирке, Чукотке, Камчатке и в северном Приохотье. Кроме Уолбинского могильника, выразительным памятником уолбинского культурного пласта в Якутии, является стоянка Юбилейный в верховьях р. Индигирка (Кашин, 1983), находящаяся в 260 км к северо-западу от стоянки Уи. Находки залегали в слое красно-коричневого суглинка на глубине 11–14 см. Криогенных нарушений слоя не зафиксировано, комплекс содержит однокультурные материалы.

Все три наконечника стоянки Юбилейный характеризуются как пластинчатые черешковые наконечники. У всех имеются четко выделенные плечики и треугольный, полностью обработанный черешок. Подобно уолбинским наконечникам они имеют различную степень обработки. У двух ретушированы острие и выделенный черешок (рис. 2, 7, 8); у третьего кроме острия и насада обработаны со стороны брюшка боковые края (рис. 2, 9). Пластины и орудия на них составляют 81% от всех находок стоянки, а изделия на пластинах — 88% от всех орудий, что соответствует показателям мезолитических стоянок Колымы (Слободин, 1999). На пластинах изготовлены концевые скребки, ретушированные вкладыши со скошенным краем и боковые резцы (рис. 6, 22–24, 29; 2, 10). Имеются также концевые скребки на пластинах (рис. 6, 25, 30). Наличие этих элементов в материалах стоянки

объясняется “сохранением архаичной мезолитической техники” (Кашин, 1983. С. 97). Наличие в комплексе бифасиально обработанного наконечника (рис. 6, 19) полностью исключает ее принадлежность к унифасиальной сумнагинской культуре. В.А. Кашин рассматривает ее как раннеолитическую, относящуюся к сыалахской культуре Якутии, чему противоречит отсутствие в ее материалах керамики, хотя это объясняется “докерамической стадией развития культуры юбилейцев” (Кашин, 1983. С. 98–100). Комплекс, в целом, находит полную аналогию с материалами стоянки Уи.

На Чукотке уолбинскую традицию пластинчатых черешковых наконечников представляют материалы стоянок Верхнетытыльская VI, Тытыль IV п. 2, Нижнетытыльская IV п. 3 в районе оз. Тытыль, отнесенные к “позднему мезолиту” и датированные, по аналогии с колымскими материалами, ранним голоценом (Кирияк, 2005. С. 84, 85). Орудийный набор стоянок включает, кроме пластинчатых наконечников, призматические и конические нуклеусы, концевые скребки и, возможно, многофасеточные резцы.

Особенно информативные материалы получены со стоянки Верхнетытыльская VI, находящейся на восточном берегу оз. Тытыль. Культурный слой выявлен в гумусированной коричневой супеси на глубине 3–25 см, и включает более 2 тыс. артефактов. Первичное расщепление представлено коническими и призматическими нуклеусами, микропластинками. Орудия сделаны, преимущественно, на пластинах — черешковые и листовидные наконечники, концевые скребки, угловые и срединные резцы, имеются и бифасиальные изделия. Тесло представлено заготовкой “с ушками” (Кирияк, 2005).

Наиболее выразительным компонентом позднемезолитических стоянок Западной Чукотки являются наконечники стрел на ножевидных пластинках, в том числе черешковые (рис. 2, 25–32). Сходные технико-типологические характеристики материалов стоянок Верхнетытыльская VI и Уи позволили сделать вывод о ее принадлежности к уолбинскому комплексу: “все присутствующие в комплексе формы находят свои аналогии среди артефактов стоянки Уи [...]. Идентичны и отдельные экземпляры нуклеусов, концевых скребков” (Кирияк, 2005. С. 84). Нахождение стоянки около миграционных путей оленей (где они переправляются через озеро) и орудийный набор указывают на охотничью

специализацию ее обитателей. Основным объектом охоты был северный олень.

На Камчатке материалы сходные с уолбинской культурой известны в Ушковской мезолитической культуре на стоянках Ушки I, Авача 1 и 9, датированных по ^{14}C -возрастом 7500–6180 л.н.

Ушковская мезолитическая (ранненеолитическая) культура Камчатки выделена по материалам сходных между собой IV и III слоев стоянки Ушки I на озере Ушки в среднем течении реки Камчатка (Диков, 1979). Ниже, в V–VI слоях стоянки залегают палеолитические материалы с клиновидными нуклеусами. Ранний этап (мезолитический, в IV слое) представлен призматическими и коническими нуклеусами, крупными ретушированными по краю пластинами правильной геометрической формы, срединными и боковыми резцами на пластинках, скребками на отщепах, двусторонне оббитыми теслами овальной формы и наконечниками нескольких типов: черешковыми пластинчатыми, бифасиально обработанными листовидными и черешковыми, с ромбическим поперечным сечением (Диков, 1979).

Поздний мезолитический — ранненеолитический этап (III слой стоянки Ушки I, стоянки Авача 1, 9) включает призматические и конические нуклеусы (рис. 2, 24), угловые резцы на пластинах, листовидные ножи-бифасы, пластинчатые трехгранные черешковые наконечники (рис. 2, 22, 23) и пришлифованные по лезвию тесла с шейкой-перехватом (рис. 2, 21); керамика и полностью шлифованные орудия отсутствуют (Диков, 1979; Пономаренко, 2000).

Н.Н. Диков (1971) первоначально датировал культуру III и IV слоев стоянки Ушки I примерно V–III тыс. до н.э. Полученная позже для IV культурного слоя дата 4200 ± 100 л.н. (МАГ-132) (Диков, 1979), не отвечала ни его стратиграфическому положению в разрезе Ушковских стоянок, ни технико-типологическим характеристикам комплекса, и сейчас может быть отброшена. Нижележащий V культурный слой был датирован временем около 9000–8000 л.н. Определено, что вулканический пепел, разделяющий III и IV культурные слои стоянки Ушки, относится к извержению вулкана Хангара (Центральная Камчатка), происшедшему 6957 ± 30 л.н. (Кренке и др., 2011). Залегающая ниже прослойка гумуса, включающая IV культурный слой (Диков, 1977), имеет дату 7650 ± 80 л.н. (Goebel et al., 2003). Все это позволяет датировать камчатскую мезолити-

ческую культуру, по меньшей мере, самым началом V тыс. до н.э., как это первоначально и предполагал Н.Н. Диков (1971. С. 19). Ее нижняя граница датируется, очевидно, концом или даже серединой VI тыс. до н.э. Верхняя хронологическая граница камчатского мезолита, или начало раннего неолита, определяется датой 6180 л.н. (ГИН-8144а) по углю из кострища на глубине около 1 м стоянки Авача 1 (Пономаренко, 2000).

Стоянки Авача 1 и 9, где найдены пластинчатые черешковые наконечники, подобные уолбинским, расположены в долине р. Авача (в 40 км от ее устья), на второй 8–12 метровой эрозионной террасе. На стоянке Авача 1 пластинчатые черешковые наконечники присутствуют в однокомпонентном несмешанном комплексе с коническими и призматическими нуклеусами, концевыми скребками и пришлифованными теслами с перехватом (Пономаренко, 2000). Исходной заготовкой для наконечников были трехгранные пластины, форма их насада — черешковая с “вислыми шипами” на плечиках (рис. 2, 22, 23). В качестве аналогичных им, указаны наконечники со стоянки Уи на Колыме (Пономаренко, 2000. С. 41, 42), где имеются и более простые формы пластинчатых наконечников с частично ретушированным лезвием, которые представлены в IV слое стоянки Ушки II. Пришлифованное тесло с перехватом в комплексе с черешковыми пластинчатыми наконечниками имеются на стоянке Конго-78 на Колыме. Открытие стоянок Авача 1 и 9 на юге Камчатки подтверждает мезолитический возраст IV и III слоев Ушковских стоянок, отмечается культурная близость камчатского мезолита (или раннего неолита) с уолбинской традицией пластинчатых наконечников Верхней Колымы и Индигирки (Пономаренко, 2000; Пташинский, 2006). Мезолитическое и ранненеолитическое население Камчатки жило небольшими поселениями, в наземных жилищах, типа чума, занимаясь охотой на таежных животных, а также рыболовством лососевых.

В континентальном Приохотье, на полпути от Колымы к стоянкам Ушки I–V, Авача 1, 9 на Камчатке черешковые пластинчатые наконечники с тщательно выделенным бифасиальной ретушью черешком и частично обработанным краевой ретушью корпусом найдены на стоянке оз. Пареньское I (в составе микропризматического расщепления) и Аура-нп (Воробей, 2015. Рис. 1–4).

В северо-западном Приохотье черешковые пластинчатые наконечники найдены на стоянке Кухтуй II в районе устья реки Кухтуй (Мочанов, 1977) и на стоянке Амка в 60 км от устья одноименной реки (Кашин, 2003). Помимо типичного частично ретушированного по краям пластинчатого наконечника со стоянки Кухтуй II, на стоянке Амка найден черешковый наконечник со “свисающими плечиками” (рис. 2, 4), ретушированные микропластинки и пришлифованный по лезвию топор (тесло) с перехватом (рис. 2, 3, 5, 6).

Рассмотренные материалы показывают, что выделенный на Верхней Колыме раннеголоценовый комплекс с черешковыми пластинчатыми наконечниками (Слободин, 19966) получил широкое распространение на Северо-Востоке Азии, присутствует в материалах Чукотки, Якутии, Камчатки и может рассматриваться в качестве специфической традиции пластинчатых наконечников, сформировавшейся здесь в первой половине голоцена, примерно 8800–6000 л.н.

Эта традиция характеризуется, помимо пластинчатых черешковых наконечников, развитой микропластинчатой индустрией с призматическими и коническими нуклеусами, частично пришлифованными двусторонне оббитыми топорами с перехватом, концевыми скребками, ретушированными микропластинками, двусторонне обработанными наконечниками. Объединение комплексов Северо-Востока Азии с черешковыми пластинчатыми наконечниками на основании сходных технико-типологических характеристик их каменного инвентаря, периода существования и района распространения в отдельную технологическую традицию Северо-Востока России, позволяет рассматривать их в рамках единой мезолитической раннеголоценовой традиции, дав ей название “улбинская” по месту обнаружения А.П. Окладниковым первых в Якутии пластинчатых черешковых наконечников.

Общие технико-типологические характеристики, время существования и территория распространения позволяет рассматривать этот культурный континуум в развитии от мезолита (стоянки Уи, Юбилейная, возрастом 8800–8300 л.н. на Колыме) до раннего неолита (поздняя ранненеолитическая ушковская культура возрастом 6200 л.н. на Камчатке).

На раннем этапе развития улбинской традиции использовались частично ретушированные пластинчатые трапецевидные в поперечном

сечении наконечники, у которых отжимной ретушью оформлялись только острие и черешок (стоянки Уи, Юбилейная, Конго-78, Инг-78); постепенно наконечники подвергались более полной обработке: дополнительно ретушировались один или оба края, вплоть до преобладания полной обработки, формирования треугольного поперечного сечения и появления на ее позднем этапе развития свисающих плечиков (стоянки Придорожная, Авача 1, 9).

Анализ раннеголоценовых комплексов на Северо-Востоке Азии в последних публикациях по этой теме проводится уже с учетом материалов улбинской традиции Верхней Колымы. Отмечается “синтетический характер” индустрии улбинского комплекса в ряду других раннеголоценовых культур Северо-Востока Азии (Воробей, 1996), публикуются новые материалы, которые “уточняют ареал изделий класса черешковых пластинчатых наконечников” «дают дополнительный материал к анализу их вариативности и, возможно, более точному определению “улбинского типа”» (Воробей, 2015. С. 214).

В.В. Питулько (2003) рассматривает улбинский комплекс в качестве “улбинской фации сумнагинской культурной традиции”, расширяя ее распространение, помимо уже обозначенных территорий Чукотки, Камчатки, Верхней Колымы и Восточной Якутии, и на территорию п-ова Таймыр, где пластинчатые наконечники найдены на стоянке Тагенар VI. Аналогии улбинскому комплексу прослеживаются исследователями на Чукотке (Кирияк, 2005), и на Камчатке (Понмаренко, 2000; Пташинский, 2006).

Происхождение улбинской традиции пластинчатых наконечников на Северо-Востоке Азии пока не ясно. А.П. Окладников осторожно предполагал наличие связи пластинчатых наконечников Якутии, Прибайкалья, Амура и Забайкалья с мезолитическими культурами Восточной Европы. Характеризуя “пластинчатые острия” Шилкинской пещеры верховий р. Амур, “изготовленные из ножевидных пластин и обработанных ретушью только частично вдоль краев и/или на кончике”, А.П. Окладников (1960. С. 64, 65) отмечает, что их форма и характер обработки “указывает на определенную связь с древней мезолитической техникой обработки кремня и с типами острий, характерными для мезолита”, что позволяет сопоставить их “с мезолитическими наконечниками Запада и с Хиньскими наконечниками” Прибайкалья. Но, указывая на

их сходство, “хоть и бесспорное, но лишь самое общее”, он отмечал и различия: “они не аналогичны в деталях ни свидерским остриям Восточной Европы, ни Хиньским наконечникам Прибайкалья”.

Вслед за ним и Ю.А. Мочанов (1977. С. 248) уже более определенно говорит о возможности появления их в Якутии в результате “древних связей, существовавших между населением Северо-Восточной Европы и Северной Сибири задолго до III тысячелетия”. Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева (2013. С. 147) считают, что “о западном происхождении сумнагинской культуры, могут свидетельствовать и многие черты сходства с синхронными ей культурами Восточной Европы и Урала”.

Сходство раннеголоценовых черешковых пластинчатых наконечников европейского Северо-Востока и Верхней Колымы рассматривается некоторыми исследователями как результат конвергентного развития последних (Волокитин, 2006. С. 48; Сорокин, 2008. С. 158, 159). Отмечается, что «анalogии пургасовским наконечникам [“постсвидерским”, в пургасовской мезолитической культуре Центральной России – С.С.] имеются на ... Таймыре, ... Сахалине” и на Верхней Колыме (Сорокин, 2008. С. 170, 171).

В сходной ситуации раннеголоценовые пластинчатые наконечники Алтая, признаны “свидетельством проникновения на Алтай носителей кельтеминарских культурных традиций” из Средней Азии (Кирюшин и др., 2011). Предполагается также, что “каменная индустрия памятников раннего неолита Сахалина и Хоккайдо (начального дзёмона по японской периодизации) имеет устойчивые аналогии в мезолитических индустриях Восточной Европы”, в “способе расщепления, основанном на утилизации конического нуклеуса, ...вкладышевой технике, ...наконечниках стрел и остриях на пластинах” (Грищенко, 2011. С. 90).

Мы пока воздерживаемся от утверждения о прямых культурных связях уолбинской традиции с “постсвидерскими” культурами (традицией), поскольку на большой территории Западной Сибири, от Урала до Прибайкалья, нет близких аналогий этим комплексам, хотя импульсы этих связей могли происходить и от таких мезолитических культур с пластинчатыми черешковыми наконечниками Северо-Востока Европы, как, например, веретье (Ошибкина, 1997). Примечательно, что на крайнем европейском Северо-

Востоке, в долине реки Вычегды, где известно большое количество стоянок “постсвидерской” традиции (бутовской и парчевской культур) (Волокитин, 2006), в комплексе стоянки Ульяново представлены топоры “с перехватом” (Верещагина, 2010. С. 123), найденные и на стоянках уолбинской традиции.

Но вполне допустимо и их конвергентное развитие на основе более широкой евразийской раннеголоценовой традиции. Возможно, что определенную роль в их распространении, как уже отмечалось (Слободин, 2006), сыграла среднеамурская раннеголоценовая новопетровская пластинчатая культура (Деревянко, 1970). Для Камчатки Н.Н. Диков предполагал взаимодействие местных ранних послепалеолитических элементов и новых культурных импульсов, возникших «в результате дивергенции более широкой послепалеолитической “мезолитической” культурной общности Северо-Востока Азии» (Диков, 1979. С. 111).

Дальнейшее развитие культур Колымы происходило отчасти под влиянием мезолитической уолбинской традиции, проявившимся в появлении там, в неолите, пластинчатых форм наконечников (Слободин, 2001). В.А. Кашин отмечает, что развитие раннеолитической культуры Средней Колымы шло «при активных этнокультурных контактах с племенами приленской сылахской культуры, а также с населением бассейна Верхней Колымы, которое уже в мезолите было вооружено черешковыми метательными наконечниками на пластинах “уолбинского” типа (Слободин, 1999)» (Кашин, 2013).

Пока еще не на все вопросы, связанные с развитием уолбинской традиции, имеются ответы, поэтому поиск новых памятников этой традиции и детальное изучение коллекций уже известных, является актуальной задачей изучения мезолита Северо-Востока Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н., Черосов Н.М. Основные итоги и задачи исследований археологической экспедиции Якутского университета // Археология Якутии: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Н. Алексеев. Якутск: Якутский гос. ун-т, 1988. С. 5–15.
- Аргунов В.Г. Каменный век Северо-Западной Якутии. Новосибирск: Наука, 1990. 213 с.
- Базалийский В.И. К проблеме культурно-хронологических особенностей погребальных комплексов эпохи

- позднего мезолита — неолита Байкальской Сибири // Социогенез в Северной Азии: сб. науч. тр. Ч. I / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: ИрГТУ, 2005. С. 35–42.
- Верецагина И.В.* Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 323 с.
- Волокитин А.В.* Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2006. 126 с.
- Воробей И.Е.* Раннеголоценовые индустрии Крайнего Северо-Востока Азии // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. к XXXVI РАСК. Ч. 1. Иркутск, 1996. С. 56–58.
- Воробей И.Е.* К вопросу о распространении черешковых пластинчатых наконечников стрел на Севере Дальнего Востока // Чтения памяти академика К.В. Симакова: материалы докладов Всерос. науч. конф. / Отв. ред. Н.А. Горячев. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2015. С. 214–217.
- Гриценко В.А.* Ранний неолит острова Сахалин. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011. 184 с.
- Деревянко А.П.* Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1970. 204 с.
- Диков Н.Н.* Древние культуры Камчатки и Чукотки: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1971. 48 с.
- Диков Н.Н.* К проблеме мезолита на Камчатке // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 120–124.
- Диков Н.Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979. 352 с.
- История Сибири. Т. 1 / Гл. ред. А.П. Окладников. Л.: Наука, 1968. 454 с.
- Кашин В.А.* Стоянка Юбилейный и ее место в культуре каменного века Якутии // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1983. С. 93–102.
- Кашин В.А.* Палеолит Северо-Восточной Азии: история и итоги исследований. 1940–1980 гг. Новосибирск: Наука, 2003. 235 с.
- Кашин В.А.* Неолит Средней Колымы. Новосибирск: Наука, 2013. 224 с.
- Кирияк М.А.* Археология Западной Чукотки. М.: Наука, 1993. 224 с.
- Кирияк (Дикова) М.А.* Каменный век Чукотки. Магадан: Кордис, 2005. 254 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.* Кельтеминарские наконечники стрел с поселений Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1. С. 56–64.
- Кренке Н.А., Леонова Е.В., Мелекесцев И.В., Певзнер М.М.* Новые данные по стратиграфии Ушковских стоянок в долине реки Камчатка // РА. 2011. № 3. С. 14–21.
- Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д.* Опыт датирования по ¹⁴С-погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. 1989. № 1. С. 19–32.
- Мочанов Ю.А.* Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969. 254 с.
- Мочанов Ю.А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.* Многослойная стоянка Ушки на Камчатке и ее место в древней истории Северо-Восточной Азии // Проблемы археологии и этнографии Сибири: тез. докл. к регион. конф. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1982. С. 36–38.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.* Очерки дописьменной истории Якутии. Т. 2: Эпоха камня. Якутск, 2013. 489 с.
- Окладников А.П.* Ленские древности. Вып. 2. Якутск: Якутская гос. тип., 1946. 186 с.
- Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 1–2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 (МИА; № 18). 412 с.
- Окладников А.П.* История Якутской АССР. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 432 с.
- Окладников А.П.* Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура // Труды Дальневосточной археологической экспедиции. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 (МИА; № 86). С. 9–71.
- Окладников А.П., Кириллов И.И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
- Ошибкина С.В.* Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука, 1997. 204 с.
- Питулько В.В.* Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М.: Геос, 2003. С. 99–145.
- Пономаренко А.К.* Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000. 312 с.
- Пташинский А.В.* К вопросу о неолите Камчатки // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока / Отв. ред. А.И. Лебединцев. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. С. 78–86.
- Сериков Ю.Б.* Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил: Нижнетагильский гос. пед. ин-т, 2000. 430 с.
- Слободин С.Б.* Отчет Верхне-Колымского археологического отряда в составе Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции в 1989 г. Магадан, 1990. 62 л. // НА ИА РАН. Р-1. № 14512.
- Слободин С.Б.* Раннеголоценовые комплексы Верхней Колымы и некоторые аспекты проблемы “мезолита” Северо-Востока Азии // Поздний палеолит — ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки: материалы междунар. конф. / Науч. ред. Н.А. Кононенко. Владивосток: Дальпресс, 1996а. С. 204–212.

- Слободин С.Б. Стоянки каменного века Оханджийского археологического района // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996б. С. 77–115.
- Слободин С.Б. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. 246 с.
- Слободин С.Б. Верхняя Колыма и континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. 202 с.
- Слободин С.Б. Распространение обсидианового сырья на археологических памятниках Колымы, Камчатки и Чукотки (Северо-Восток России) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 136–140.
- Слободин С.Б. Пластинчатые черешковые наконечники в древних культурах Северо-Востока Азии // IV Диловские чтения / Отв. ред. А.И. Лебединцев. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. С. 67–69.
- Сорокин А.Н. Мезолитоведение Поочья. Москва: ИА РАН, 2008. 328 с.
- Томирдиаро С.В. Лессово-ледовая формация Восточной Сибири в позднем плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1980. 184 с.
- Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М.: Наука, 1968. 171 с.
- Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. 215 с.
- Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 341 с.
- Шер А.В. Природная перестройка в Восточно-Сибирской Арктике на рубеже плейстоцена и голоцена и ее роль в вымирании млекопитающих и становлении современных экосистем // Криосфера Земли. 1997. № 1. С. 3–11; № 2. С. 21–29.
- Goebel T., Waters M.R., Dikova M. The Archaeology of Ushki Lake, Kamchatka and the Pleistocene Peopling of the Americas // Science. 2000. V. 301. № 5632. P. 501–505.

MESOLITHIC BLADE STEMMED POINT TRADITION OF NORTHEAST ASIA

Sergey B. Slobodin

North-East Interdisciplinary Science Research Institute FEB RAS, Magadan, Russia
E-mail: archaeol@neisri.ru

The article presents analysis and general characteristics of the Early Holocene tradition of blade stemmed points in the North-East of Russia. The author distinguishes it based on the materials opened and investigated by him in the Upper Kolyma as well as on studying the collections of other Early Holocene sites of Northeast Asia. The paper reviews the history of studying complexes with blade stemmed points in Eastern Siberia. The problems associated with their revealing, identification and dating, taking into consideration the available data on the archaeology of Yakutia, the Kolyma, Chukotka and Kamchatka are analyzed. Descriptions of the most informative sites of this tradition with the technical and typological analysis of their artifact complexes are given. The article specifies the spreading area of the tradition of the blade stemmed points, its age on the basis of the ^{14}C -dating obtained, the tool set, and the most characteristic artefacts of it. Correlations of this Mesolithic tradition with other early Holocene cultures of Northeast Asia and Eurasia are made. The author outlines the issues of the genesis of this tradition and notes its influence on the appearance of the Neolithic cultures of the Kolyma River.

Keywords: archaeology of the Kolyma, Yakutia (Sakha), Kamchatka and Chukotka, Early Holocene, Mesolithic of Northeast Asia, blade stemmed points tradition, Beringia.

REFERENCES

- Alekseev A.N., Kochmar N.N., Cherosov N.M., 1988. Main outcomes and research objectives of the Yakutsk university archaeological expedition. *Arkheologiya Yakutii: sbornik nauchnykh trudov* [The archaeology of Yakutia: Collected papers]. A.N. Alekseev, ed. Yakutsk: Yakutskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 5–15. (In Russ.)
- Argunov V.G., 1990. Kamennyy vek Severo-Zapadnoy Yakutii [The Stone Age of North-Western Yakutia]. Novosibirsk: Nauka. 213 p.
- Bazaliyskiy V.I., 2005. To the issue of cultural and chronological features of the Late Mesolithic–Neolithic burial complexes of Baikalian Siberia. *Sotsiogenez v Severnoy Azii: sbornik nauchnykh trudov* [Social genesis in Northern Asia: Collected papers], I. A.V. Kharinskiy, ed. Irkutsk: Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, pp. 35–42. (In Russ.)
- Derevyanko A.P., 1970. Novopetrovskaya kul'tura Srednego Amura [The Novopetrovka culture of the Middle Amur]. Novosibirsk: Nauka. 204 p.
- Dikov N.N., 1971. Drevnie kul'tury Kamchatki i Chukotki: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Ancient cultures of Kamchatka and Chukotka: Synopsis of the Doctoral thesis in History]. Novosibirsk. 48 p.

- Dikov N.N., 1977. The issue of Mesolithic in Kamchatka. *KSLA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 149, pp. 120–124. (In Russ.)
- Dikov N.N., 1979. Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoy Azii: Aziya na styke s Amerikoy v drevnosti [Ancient cultures of North-Eastern Asia: Asia at the junction with America in the ancient times]. Moscow: Nauka. 352 p.
- Fedoseeva S.A., 1968. Drevnie kul'tury Verkhnego Vilyuya [Ancient cultures of the Upper Vilyuy]. Moscow: Nauka. 171 p.
- Fedoseeva S.A., 1980. Ymyyakhtakhskaya kul'tura Severo-Vostochnoy Azii [The Ymyyakhtakh culture of North-Eastern Asia]. Novosibirsk: Nauka. 215 p.
- Goebel T., Waters M.R., Dikova M., 2000. The Archaeology of Ushki Lake, Kamchatka and the Pleistocene Peopling of the Americas. *Science*, vol. 301, iss. 5632, pp. 501–505.
- Grishchenko V.A., 2011. Ranniy neolit ostrova Sakhalin [The Early Neolithic of Sakhalin]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskiy gosudarstvennyy universitet. 184 p.
- Istoriya Sibiri [The History of Siberia], 1. A.P. Okladnikov, ed. Leningrad: Nauka, 1968. 454 p.
- Kashin V.A., 1983. The Yubiley site and its place in the Stone Age culture of Yakutia. *Pozdnepleystotsenovye i ranneholotsenovye kul'turnye svyazi Azii i Ameriki [The Late Pleistocene and early Holocene cultural connections of Asia and America]*. R.S. Vasil'evskiy, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 93–102. (In Russ.)
- Kashin V.A., 2003. Paleolit Severo-Vostochnoy Azii: istoriya i itogi issledovaniy. 1940–1980 gg. [The Paleolithic of North-Eastern Asia: history and research results. 1940–1980 гг.]. Novosibirsk: Nauka. 235 p.
- Kashin V.A., 2013. Neolit Sredney Kolymy [The Neolithic of the Middle Kolyma]. Novosibirsk: Nauka. 224 p.
- Khlobystin L.P., 1998. Drevnyaya istoriya Taymyrskogo Zapolyar'ya i voprosy formirovaniya kul'tur Severa Evrazii [The ancient history of Taimyr Arctic and issues of the formation of North Eurasian cultures]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 341 p.
- Kir'yak M.A., 1993. Arkheologiya Zapadnoy Chukotki [The archaeology of Western Chukotka]. Moscow: Nauka. 224 p.
- Kir'yak (Dikova) M.A., 2005. Kamennyy vek Chukotki [The Stone Age of Chukotka]. Magadan: Kordis. 254 p.
- Kiryushin Yu.F., Kiryushin K. Yu., Semibratov V.P., 2011. Kel'teminar arrowheads from the Altai settlements. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology, and Anthropology of Eurasia]*, 1, pp. 56–64. (In Russ.)
- Krenke N.A., Leonova E.V., Melekestsev I.V., Pevzner M.M., 2011. New data on the stratigraphy of the Ushki sites in the valley of the river Kamchatka. *Russ. Arkheol.*, 3, pp. 14–21. (In Russ.)
- Mamonova N.N., Sulerzhitskiy L.D., 1989. An attempt to date some Holocene burials in Baikal region according to C14. *Sovet. Arkheol. [Soviet Archaeology]*, 1, pp. 19–32. (In Russ.)
- Mochanov Yu.A., 1969. Mnogosloynnaya stoyanka Bel'kachi I i periodizatsiya kamennogo veka Yakutii [The multilayer site of Bel'kachi I and the periodization of Yakutian Stone Age]. Moscow: Nauka. 254 p.
- Mochanov Yu.A., 1977. Drevneyshie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoy Azii [The earliest stages of peopling in North-Eastern Asia]. Novosibirsk: Nauka. 264 p.
- Mochanov Yu. A., Fedoseeva S.A., 1982. The multilayer site Ushki on Kamchatka and its place in the ancient history of North-Eastern Asia. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri: tezisy dokladov k regional'noy konferentsii [Issues of the Archaeology and Ethnography of Siberia: Abstracts of the regional conference]*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 36–38. (In Russ.)
- Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., 2013. Ocherki dopis'mennoy istorii Yakutii [Studies of the preliterate history of Yakutia], 2. Epokha kamnya [The Stone Age]. Yakutsk. 489 p.
- Okladnikov A.P., 1946. Lenskie drevnosti [The Lena antiquities], 2. Yakutsk: Yakutskaya gosudarstvennaya tipografiya. 186 p.
- Okladnikov A.P., 1950. Neolit i bronzovyy vek Pribaykal'ya [The Neolithic and the Bronze Age of Cisbaikalia], 1–2. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 412 p. (MIA, 18).
- Okladnikov A.P., 1955. Istoriya Yakutskoy ASSR [The history of Yakutian ASSR], 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 432 p.
- Okladnikov A.P., 1960. The Shilka cave – a site of the Upper Amur ancient culture. *Trudy Dal'nevostochnoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Papers of the Far Eastern archaeological expedition]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 9–71. (MIA, 86). (In Russ.)
- Okladnikov A.P., Kirillov I.I., 1980. Yugo-Vostochnoe Zabaykal'e v epokhu kamnya i ranney bronzы [South-Eastern Transbaikalia during the Stone Age and the Early Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka. 176 p.
- Oshibkina S.V., 1997. Veret'e I. Poselenie epokhi mezolita na Severe Vostochnoy Evropy [Veretye I. The Mesolithic settlement on the North of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 204 p.
- Pitul'ko V.V., 2003. The Holocene Stone Age of the North-Eastern Asia. *Estestvannaya istoriya rossiyskoy vostochnoy Arktiki v pleystotsene i golotsene [Natural history of the Russian Eastern Arctic during the Pleistocene and Holocene]*. Moscow: Geos, pp. 99–145. (In Russ.)
- Ponomarenko A.K., 2000. Drevnyaya kul'tura itel'menov Kamchatki [The ancient culture of the Kamchatkan Itel'men]. Petropavlovsk-Kamchatskiy. 312 p.
- Ptashinskiy A.V., 2006. To the Neolithic of Kamchatka. *Neolit i paleometall Severa Dal'nego Vostoka [The Neolithic and Paleometal Age of Far Eastern North]*. A.I. Lebedintsev, ed. Magadan: Severo-Vostochnyy kompleksnyy nauchno-issledovatel'skiy institut Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN, pp. 78–86. (In Russ.)
- Serikov Yu.B., 2000. Paleolit i mezolit Srednego Zaural'ya [The Paleolithic and Mesolithic of the Central Trans-

- Uralian region]. Nizhniy Tagil: Nizhnetagil'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 430 p.
- Sher A.V., 1997. Environmental changes in the East Siberian Arctic at the turn of the Pleistocene and Holocene and their role in extinction of mammals and generation of modern ecosystems. *Kriosfera Zemli [Earth's Cryosphere]*, no. 1, pp. 3–11; no. 2, pp. 21–29. (In Russ.)
- Slobodin S.B. Otchet Verkhne-Kolym'skogo arkhologicheskogo otryada v sostave Severo-Vostochno-Aziatskoy kompleksnoy arkhologicheskoy ekspeditsii v 1989 g. Magadan, 1990. 62 l. [Report of the Upper Kolyma archaeological group as part of the North-East Asian complex archaeological expedition of 1989. Magadan, 1990. 62 ff.]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkhologii Rossiyskoy akademii nauk [Scientific Archive of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences]*, R-1, № 14512. (Unpublished).
- Slobodin S.B., 1996a. The Early Holocene complexes of the Upper Kolyma and some aspects of the "Mesolithic" issue in North Eastern Asia. *Pozdnyy paleolit — ranniy neolit Vostochnoy Azii i Severnoy Ameriki: materialy mezhdunarodnoy konferentsii [The Late Paleolithic — Early Neolithic Age in Eastern Asia and North America: Proceedings of the international conference]*. N.A. Kononenko, ed. Vladivostok: Dal'press, pp. 204–212. (In Russ.)
- Slobodin S.B., 1996b. The Stone Age sites of Okhандzhы archaeological district. *Arkheologicheskie issledovaniya na Severe Dal'nego Vostoka [Archaeological studies in the Northern Far East]*. Magadan: Severo-Vostochnyy kompleksnyy nauchno-issledovatel'skiy institut Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN, pp. 77–115. (In Russ.)
- Slobodin S.B., 1999. Arkheologiya Kolymy i Kontinental'nogo Ppikhot'ya v pozdnem pleystotsene i rannem golotsene [The archaeology of the Kolyma and the continental regions of the Okhotsk Sea littoral during the Late Pleistocene and Early Holocene]. Magadan: Severo-Vostochnyy kompleksnyy nauchno-issledovatel'skiy institut Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN. 246 p.
- Slobodin S.B., 2001. Verkhnyaya Kolyma i kontinental'noe Priokhot'e v epokhu neolita i rannego metalla [The Upper Kolyma and the continental regions of the Okhotsk Sea littoral during the Neolithic and Early Metal Age]. Magadan: Severo-Vostochnyy kompleksnyy nauchno-issledovatel'skiy institut Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN. 202 p.
- Slobodin S.B., 2006. Blade stemmed points in the ancient cultures of North-Eastern Asia. *IV Dikovskie chteniya [IV Dikov Readings]*. A.I. Lebedintsev, ed. Magadan: Severo-Vostochnyy kompleksnyy nauchno-issledovatel'skiy institut Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN, pp. 67–69. (In Russ.)
- Slobodin S.B., 2007. Spreading raw obsidian on the archaeological sites of the Kolyma, Kamchatka and Chukotka (The North-East of Russia). *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv [Ecology of ancient and traditional societies]*, 3. Tyumen': Vektor Buk, pp. 136–140. (In Russ.)
- Sorokin A.N., 2008. Mezolitovedenie Pooch'ya [Studies in the Mesolithic of the Oka region]. Moscow: IA RAN. 328 p.
- Tomirdiary S.V., 1980. Lessovo-ledovaya formatsiya Vostochnoy Sibiri v pozdnem pleystotsene i golotsene [Loess-ice formation in East Siberia during the Late Pleistocene and Holocene]. Moscow: Nauka. 184 p.
- Vereshchagina I.V., 2010. Mezolit i neolit kraynego Evropeyskogo Severo-Vostoka [The Mesolithic and Neolithic Age of the European Extreme North-East]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 323 p.
- Volokitin A.V., 2006. Mezoliticheskie stoyanki Parch 1 i Parch 2 na Vychegde [The Mesolithic sites of Parch 1 and Parch 2 on the Vychegda]. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr Ural'skogo otdeleniya RAN. 126 p.
- Vorobey I.E., 1996. The Early Holocene industries of the Asian Extreme North-East. *Arkheologiya, paleoekologiya i etnologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka: tezisy dokladov k XXXVI Regional'noy arkhologicheskoy studencheskoy konferentsii [Archaeology, Paleoecology, and Ethnology of Siberia and Far East: Abstracts of the XXXVI students' regional archaeological conference]*, 1. Irkutsk, pp. 56–58. (In Russ.)
- Vorobey I.E., 2015. To the spreading of blade stemmed points in Far Eastern North. *Chteniya pamyati akademika K.V. Simakova: materialy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Readings in memory of Academician K.V. Simakov: Proceedings of the All-Russian scientific conference]*. N.A. Goryachev, ed. Magadan: Severo-Vostochnyy kompleksnyy nauchno-issledovatel'skiy institut Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN, pp. 214–217. (In Russ.)